

**ОТГОЛОСКИ НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИХ МОТИВОВ В
СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на материале повестей и рассказов Льва Аскерова)****НОВАЛЬ АЛЬ-АББАСИ*****Бакинский Государственный Университет***

Лев Аскеров – видный современный азербайджанский писатель-прозаик, автор широко известных на родине повестей, таких, как «Рукопись доктора Преображенского», «Особых примет не имеют» и нескольких рассказов («Сария Сурамини», «Мелодия Неаполитанского танца» и другие). Его произведения в основном относятся к жанрам фантастики или детективной литературы. Их остросюжетность и динамичность держат читателя в постоянном напряжении, возбуждая мысль о таинствах человеческих. Кроме того, им с философско-исторических позиций поднимаются и анализируются извечные вопросы о жизни и смерти, смысле человеческого существования. На первый взгляд, рассказы и повести Л.Аскерова проникнуты драматическим пафосом и временами даже навевают на нас печаль, однако, экзистенциальные мотивы тоски и грусти органично соседствуют в его творчестве со светлыми тонами и радостными переливами красок, потому что в конечном итоге повествуют о вечной борьбе за справедливость.

Названные произведения, с одной стороны, примечательны тем, что они, насколько удаётся выяснить, до сих пор не были объектом специального критического исследования в азербайджанской филологической науке. С другой стороны, повести «Рукопись доктора Преображенского», «Особых примет не имеют» и рассказ «Мелодия Неаполитанского танца» в тему настоящей статьи примечательны тем, что при внимательном прочтении в них можно подметить отголоски немецко-австрийских мотивов (или, если угодно, исторические темы, антропологические компоненты и лексикон, которые в той или иной степени связаны с Германией и Австрией).

Начнём критический обзор с того, что Лев Аскеров – единственный, пожалуй, из современных азербайджанских писателей, обратившихся в своём творчестве к теме Великой Отечественной войны или отдельным событиям, предшествующим ей. В повести «Рукопись доктора Преображенского» этому, правда, посвящена только преамбула, а во второй преподнесена автором в качестве центральной идейной проблематики. В первой повествуется о деятельности видного русского ученого Преображенского, который открыл секреты лечения некоторых тяжёлых заболеваний, но в силу идеологического давления со стороны правительственных чиновников оказался в опале и умер безвестным, оставив после себя лишь драгоценную медицинскую рукопись.

Ведущей идеей повести становится оценка непризнанного на земле гения представителями внеземной цивилизации. Во главе её стоит Апостол, который всем землянам воздаёт по заслугам. «Природа, - говорят братья по разуму, - исправно выполняет возложенную на неё функцию – вас рождает, оберегает и управляет вами. Она ваша нянька. Заслужите – надаёт пинков. Нужно – даст побуйствовать. И вовремя убаюкает» [1,22]. Это положение, защищаемое Апостолом и его телохранителями, становится отправной точкой философии, которая в данном конкретном случае и привлекает наше внимание. Она плавно переходит в великую идею круговорота всего живого на земле, что является краеугольным камнем поэзии Р.М. Рильке.

По тексту повести следует: «Вашу планету Земля мы зовём Голубой Колыбелью. Подобные ей в вашей вселенной нет. Здесь проходит детство Человечества. Наше детство. На другой планете – молодость. Принципиальная схема нашего развития трёхступенчата. Она предполагает эволюционное развитие человека до совершенства. Зрелость свою человек проходит в Кругу, в котором ныне живу я. Когда я уйду оттуда, а это непреложная необходимость, я начнусь здесь, в Голубой Колыбели. Мы, люди, не исчезаем. Мы вечно живём, потому что путешествуем во вселенной... В Великом Кругу зрелого Человечества меня будут ждать. Вот откуда, - завершает свою мысль Апостол, - человек запрограммирован и идёт своей стезёй, от ступени к ступени» [1,23].

Мы убеждены, что данный литературный пассаж (а на нём держится практически вся сюжетная канва этой повести) заимствован из философии Р. Рильке, разумеется, с дальнейшей творческой переработкой. Современными учёными (Ш.А. Байдуалетовой, А.И. Неусыхиным, И.Д. Рожанским и другими) уже обстоятельно доказано, что великий австрийский поэт на протяжении всей своей жизни пропагандировал идею вечного круговорота в природе. Причём, свои убеждения на этот счёт он излагал не только в теоретических трудах, но, в первую очередь, воплощал в поэтических образцах. Отсюда знаменитое его выражение «Вся жизнь - карусель» («Рыцарь» из цикла «Книга образов»); в стихотворении «По одной подруге» из цикла «Реквием» обосновывается понятие «кружащего столба бытия».

Несложно даже для наглядности сопоставить приведённую выдержку из упомянутой повести и кредо австрийского лирика. Один из литературных критиков как-то спросил у поэта, откуда ты родом? На что последовал ответ: я родом из своего детства. Обосновывая идею вечного коловращения (проще сказать, круговорота в природе и жизни человека), Р. Рильке также утверждал, что смертные проходят три этапа: детство, зрелость и старость. В дальнейшем, продолжал он, старость вновь возвращает человека в младенческое состояние, потому что согласно философии поэта, смертный не покидает этот мир навсегда, в его душе возрождается новое живое существо, которое и призвано пройти эти три этапа. Как видим, схема развития инопланетного разума также трёхступенчата, и человек живёт, по задумке Льва Аскерова, вечно, так как постоянно возвращается во вселенной.

И ещё один, с нашей точки зрения, весьма примечательный момент. Поясним его на уровне одной, но примечательной символической детали. Неординарные идеи, зарождающиеся в уме центрального персонажа доктора Преобра-

женского, сопоставляются с божественным озарением, которое посещало В. Моцарта. Тогда и мозг отдыхает, и мысли гениальные приходят. Апостол считает, что доктор вышел за пределы разумного и новую философию хочет стереть из его памяти. На это герой резонно возражает: «Разве всё то, что я говорю, не может быть озарением, счастливой догадкой? Ньюто́ну упало на голову яблоко – всемирное тяготение. Максвелл вывел формулу как будто не своей рукой. Музыку Моцарта называли божественной, потому что, по словам композитора, ему её наигрывали с небес... Ведь это тоже одна из форм ваших подсказок... Вы ему галлюцинировали мелодию» [1,38-39]. Так «счастливая догадка» одного из простых смертных путём оригинального символического сопоставления с музыкой Моцарта не только облагораживает человека, но и возвышает литературного героя в наших глазах пред ликом высшей внеземной цивилизации.

В повести «Особых примет не имеют» искомая для нас тема выражена уже в более конкретной форме, потому что Лев Аскеров пишет о событиях, предшествующих Второй Мировой войне, когда Австро-Германская империя была единой и неделимой. Здесь есть возможность проводить литературные параллели уже на художественном уровне, так как главным действующим лицом этой повести является житель Гамбурга Крамер, человек, именующий себя арийцем, женатым на немке «чистых кровей». Повествование ведётся от первого имени, разведчика, президента, так называемой, Систанской фирмы ШЕКРА, занимавшейся в предвоенный период экспортом и импортом нефтепродуктов. Однако красной нитью в произведении проходит именно разработка психологии личности Иоахима Крамера. По существу он – главный герой повести, сослуживец разведчика, компаньон, чей портрет выписан автором с симпатией и беспристрастием.

В связи с заявленной темой настоящей статьи считаем необходимым дать краткую характеристику этого литературного образа. Иоахим Крамер показан как грамотный бизнесмен, великолепно знающий своё дело и придающий ему государственное значение. К любой важной проблеме он подходит с умом и дипломатией. В то же время это предельно честный и искренний человек, любящий свою семью, несколько сентиментальный, как многие немцы или австрийцы, умеющий ценить преданных сотоварищей, принципиальный и твёрдый по отношению к недругам и верный помощник на службе. Понятно, что это редкостный портрет человек, обрисованный не современным немецким или австрийским, но именно азербайджанским писателем, прошедшим хорошо известную школу советской идеологии. Характеристика Крамера с первых же страниц повести даётся в виде отдельных реплик либо авторских ремарок, которые тем не менее, на наш взгляд, составляют основу сюжета в целом. Для наглядности приведем некоторые выдержки из текста.

1. Талант бизнесмена: «У вас хороший участок, - сказал он. Привёл поразившие меня цифр дебита моих скважин, обратил внимание на рельеф и на некоторые неудобства расположения разработок, мимоходом назвал сумму приблизительного дохода, какой я могу пока иметь, и, наконец, назвал срок, в течение которого смогу продержаться самостоятельно...» [1,122].

2. Честный предприниматель и рачительный хозяин: «Свободных денег у меня тоже немного, обратился он ко мне, но из того, что имею, некоторую часть

готов поместить в ваше дело, то есть взять у вас подряд на строительство небольшого, но с самой современной американской технологией нефтеперерабатывающего завода... В случае неудачи с переработкой 50 тысяч долларов, отпущенные мной, - ваши» [1,122].

3. Образец немецко-австрийской пунктуальности, аккуратности при делопроизводстве и предельной искренности: «Иоахим был со мной предельно откровенен. Если компаньонам есть что скрывать друг от друга, заверял он, значит их союз сплошное плутовство. Во всяком случае, с одной стороны. Я не терплю неискренности и недоговорённости в делах. Что бы ни было, вдвоём выстоять легче... Я за такой союз» [1,124-125].

4. Щедрость души скромность: «В память о первом дне нашего союза осмелился я сделать вам небольшой подарок – прибор ночного видения. – Это был действительно щедрый подарок... сюрприз поверг в удивление. Экстра-новинка... стоила уйму денег. В порядке эксперимента её выпустили всего несколько десятков штук» [1,126].

5. Крамер как семьянин, нежно любящий муж и отец: (Письма из дому по факту вынужденной разлуки). «...Письма и карточки симпатичного мальчонки с красавицей мамой до того влияли на душевное равновесие Иоахима, что он несколько дней не был тем вулканически энергичным работником, каким я его знал» [1,121].

Итоговая характеристика: «Нет, лучшего компаньона, чем Крамер, мне не подобрать» [1,123]. Заметим, высокая оценка личности принадлежит советскому разведчику, который был откомандирован российским правительством в некую Систанскую фирму для выполнения специального военного задания.

Такая лестная характеристика, впрочем, не противоречит реальному положению вещей, и автор здесь отнюдь не лукавит. Из исторических источников известно, что в некоторых странах мусульманского Востока в духовные училища (медресе) 1938-1940-х годов ведущий состав преподавателей подбирался из лучших кадров востоковедов из Германии и Австрии. Так и в тексте повести, люди, получившие духовное образование в мусульманских центрах (в Стамбуле, Табризе и Кабуле), знакомилась с основами наук через востоковедов Германии и Австрии. Только стратегическая цель была, по авторскому определению, следующая: «Немецкая разведка готовила своих агентов для последующей работы священнослужителей» [1,134]. Характерная и немаловажная деталь: языковедов из Берлина и Вены в указанный период в некоторых восточных регионах было так много, что даже местное население общалось с ними по-немецки. Как предполагает Л. Аскеров, «этот язык в последние два года (1938-1940) усиленно культивировался в высшем обществе Систана» [1,136]. Иными словами, на деле осуществлялся ещё один признак ориентации на научные исследования, идущие из центров Австро-Германской империи.

С другой стороны, нельзя не остановиться на таком примечательном факте: повесть Л.Аскерова вышла в национальном издании в 1986 году, то есть в широко известный по стране доперестроечный период. Двери спецхранов в Азербайджане тогда лишь робко приоткрывались, медленно сползал «железный занавес». Тем удивительнее выглядят некоторые авторские отступления, которые не выдержаны в духе традиционной марксистско-ленинской идеологии, а

рассказывают о засилье большевизма. Жертвы политического строя искали убежище в Германии. И лучше любого дополнительного комментария об этом говорит сам текст повести «... трое советских граждан... обратились к официальным представителям Германии с просьбой о предоставлении им убежища. Они не хотят возвращаться в любимую Россию, которую большевики превратили в тюрьму» [1,157].

Рассказ «Мелодия Неаполитанского танца» строится на единственной, но примечательной символической детали. Звуки горна вносят живую струю в серую и однообразную жизнь детдомовских детей, будят их воображение. Название рассказа наталкивает нас на условную параллель, раскрывающую скрытый задушевный смысл австрийского песенного мотива.

Прокомментируем сказанное. Учёные доказывают, что неаполитанские песни генетически родственны австрийским. Это несложно доказать, если обратиться к переводной даже оригинальной энциклопедической литературе. Подробные сведения об этом находим, к примеру, в «Музыкальной энциклопедии» [2,727-734], а также в работах австрийских литераторов и музыковедов (Otto W.E. Menschengestalt und Tanz) [3] и *Soziale Wirklichkeit. Der Tanz in der Modernen Gesellschaft* [4]. Так что рассказ Льва Аскерова даёт нам основание говорить о такой символике, которая, быть может, и несколько отдалённо, но всё же напоминает отголоски австрийских мотивов.

Но одна символическая деталь другой рознь. В данном случае именно на ней построен весь рассказ. Врачебная ошибка приводит к трагической гибели главного героя – четырнадцатилетнего мальчика Маиса Мусаева, лучшего исполнителя австрийского национального танца. Он играл его вместо заунывного каждодневного призыва трубы, и проделывал это виртуозно и вдохновенно: «...они выходили на берег, и Мася брал трубу и играл так, что все, кто был на пляже, собирались вокруг них, восторженно хлопали, просили сыграть ещё» [1,209]. Рассказ призывает в трудные периоды жизни брошенных в советское время на произвол детей стремиться к новой жизни, в частности, отбросить рутинные методы воспитания и лечения. А поднятию их морального духа в некоторой степени содействовала и прекрасная австрийская музыка.

... Прошло некоторое время после смерти мальчика, и однажды, романтически заключает автор, «за окном вместо занудного сигнала «Подъём!», кто-то на трубе мастерски выводил рулады «Неаполитанского танца». Они гремели чистой волной прибоя, складываясь в светлые переливы мелодии, которая что-то обещала и звала куда-то, где хорошо и радостно» [1,214].

Подытоживая наши изыскания, отметим, что Лев Аскеров – замечательный азербайджанский прозаик. Его повести и рассказы открыли новую страницу в истории современной национальной литературы и искусства. В них реальное причудливо сочетается с ирреальным, действительность с фантастикой или детективом, будничное и обыденное – со сверхъестественным. Согласно теме настоящей статьи, на примере трёх произведений было выяснено, что они ассоциативно содержат в себе, на наш субъективный взгляд, отголоски австрийских мотивов. Причём, выражены в разной семантико-стилистической форме. В первом случае типология проводилась нами на философском уровне (совпадения со старжевыми идеями Р. Рильке), во втором – на проблемно-тематическом, а в

последнем – первостепенная роль в деле наведения мостов между азербайджанской и австрийской литературами отдана символике.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аскеров Лев. Особых примет не имеют. Повести и рассказы. Баку: Язычы, 1986, 215 с.
2. Венская классическая школа (Weiner Klassik) - Музыкальная энциклопедия. В 6-ти тт. Москва: Советская энциклопедия, 1973, т. 1, 1070 с.
3. Otto W.E. Menschengestalt und Tanz. Münch, 1956.
4. "Soziale Wirklichkeit", Bd 4. – Der Tanz in der Modernen Gesellschaft, Hamburg, 1958.

**AVSTRİYA-ALMAN MOTİVLƏRİNİN
MÜASİR AZƏRBAYCAN ƏDƏBİYYATINDA ƏKS-SƏDASI
(Lev Əsgərovun povestləri və hekayələri əsasında)**

NOVAL AL-ABBASI

XÜLASƏ

Lev Əsgərovun povest və hekayələrində reallıq-qeyri reallıqla, həqiqət fantastika və ya deolektiv ilə qəribə bir şəkildə çulğalaşır.

Bu məqalədə, yazıcının üç əsəri əsasında aydın olur ki, onlar müxtəlif semantik stilistik formada Avstriya motivlərini özündə ihtiva edir. Birinci halda tərəfindən tipologiya fəlsəfi, ikincidə problemlə-semantik müstəvidə yerinə yerləşdirilmişdir. Sonuncuda isə simvolika Azərbaycan və Avstriya ədəbiyyatları arasında körpü yaranmasında başlıca rol oynayır.

**ECHOES OF GERMAN-AUSTRIAN MOTIVES IN MODERN
AZERBAIJAN LITERATURE
(on the materials of narratives and stories by Leo Askerov)**

NOWAL-AL-ABBASI

SUMMARY

In the narratives and stories by Leo Askerov the real is wonderfully combined with the unreal, the reality with the fantastic or detective, ordinary with supernatural. In the paper it was found out on the example of three works that they associatively contain the echoes of Austrian motives expressed in different semantic-stylistic form. In the first case the typology was conducted by us on the philosophical level (coincidences with basic ideas of R.Rilke), in the second – on problem-thematic and in the last – the primary role in the business of building bridges between the Azerbaijan and Austrian literature is given to symbolism.